

А сколько поистине метафизических проблем в жизни каждому из приходится осмысливать и решать исключительно самостоятельно: о смысле своего бытия, о выстраивании своего жизненного пути, о своем месте обществе и мире, о перспективах своей профессиональной деятельности, о восхождении к высотам духовно-нравственного совершенства и др. Да, многие элементарные вещи успешно познаются в процессе регулярного обучения и практик. Но решение фундаментальных жизненно важных проблем человеком невозможно без глубокого философствования над путями их решения. И в этой ответственной умственной работе метафизика безусловно выступает инструментом развития человека как личности.

Шопенгауэр утверждал, что физика всегда упирается в метафизику, а у человека существует естественная потребность обращения к вопросам метафизики. И на самом деле, чем дальше продвигается физика в своих открытиях, тем чаще человек задается вопросами о смыслах бытия, своём предназначении, о всём том, что выходит за пределы физики и находится в поле внимания метафизики.

За всю свою историю существования метафизика осталась «царицей наук», собрав в себе многовековую мудрость, дав объяснение многим необъяснимым вещам. Обращение к ней помогает человеку лучше понять себя и свою природу, природу своих поступков и происходящих в мире явлений.

Таким образом, учиться самостоятельному философствованию, самостоятельному решению метафизических проблем, – актуальная, жизненно важная задача человека. Среди приоритетных задач обеспечения современного цивилизационного процесса, особо акцентируется задача – «научить человечество мыслить» (Эдисон).

Д. В. Майборода

«ТЭТЕТ» И ДИАЛОГИКА

1. Диалог Платона «Теэтет» интересен с диалогической точки зрения прежде всего подробным изложением того, что именно Сократ понимает под искусством вести беседу. Во-первых, важно, что ведение беседы не рассматривается Сократом через метафору порождающего брака (в котором ведущий вполне мог бы трактоваться как отец, а собеседник – как мать), хотя это и напрашивается куда скорее, чем собственно метафора майевтики. Возможная причина этого – то, что, выступая в качестве «отца» того или иного мнения, лидеру беседы было бы сложнее критически его оценивать и в случае неудовлетворительности отбрасывать.

Во-вторых, метафора майевтики (искусства родовспоможения) включает в себя, по Сократу, идентификацию «беременных» знанием, стимулирование или смягчение «родов», а также оценку «плодов»; кроме того, и «сватовство»

как создание условий «беременности». «Сватовство» выражается как в направлении ученика определенному учителю, так и в знакомстве собеседника с существующими концепциями, близкими его мыслям (правда, последнее может трактоваться также как использование «зелий» для стимулирования «родов»). Майевтика также подразумевает запрет на порождение собственных мыслей, в противном случае вместо знания целью беседы станет выигрыш в споре (соревнование плодов). Это напрямую связано с идеей, что начало философии – изумление, ведь оно – впечатление от неожиданного, заставляющее признать свое незнание.

В «Теэтете» также утверждается, что настоящая философия требует свободного времени и сил, независимости от внешних воздействий (шумов), возвышенности (над интересами практической жизни), отчего он может практиковаться лишь поистине свободными людьми. Можно сделать вывод, что ведущий беседу должен обустроить особые условия для выявления знаний собеседником, подобно тому, как акушер обеспечивает стерильные условия для родов; ясно также, что как и акушер, он должен быть искусен в своем ремесле.

Поскольку в «Теэтете» содержится также образ размышления как диалог души с собой, напрашивается допущение, что индивидуальное философствование подразумевает выделение от привычного образа личности инстанции вопрошающего, которую следует организовывать по нормам майевтики, в том числе придавая ей наглядный образ Сократа (как это делает сам Платон в своих диалогах) или конфигурируя ее по менее тривиальному сократическому представлению о даймонии (внутреннем голосе, который не предписывает, но предостерегает, вероятно, не только от действий, но и посредством вопросов от необоснованных суждений).

2. Если согласиться с главными героями «Теэтета», что их беседа ни к чему не привела, и если принять, что смысл процесса – лишь в результате (в диалоге это утверждение касается математических вычислений, но таким же образом оно может быть справедливо и для философствования; кроме того, по сути весь диалог – опровержение точки зрения «текучников» (реистов), придающих значение именно процессам, а не результатам), то неясно, почему Платон записал диалог, а его последователи сохранили его, хотя это в то же время хорошо объясняет то, почему сам Сократ ничего не записывал, считая это потерей времени. Если предположить, что Платон и его последователи (включая и нас самих) считают, что беседа все же имеет результат, который лишь ради театральности отрицается собеседниками, то тогда было бы логичнее его записать кратко (например, так: «знание – не ощущение, не мнение и не объяснение мнения»), по желанию придав ему даже и поэтическую форму для лучшего распространения среди обывателей. Но это не согласуется с тем, что Платон описывает каждую деталь диалога (к тому же еще и вкладывая в уста пересказывающего его Эвклида слова, что свидетельства о беседе он собирал по крупицам, в том числе и расспрашивая о ней самого Сократа, как будто не лучше было спросить его напрямую

о предмете диалога, о знании). Это говорит о том, что для Платона, как и для его последователей, диалог ценен как событие в специфике его протекания, и тем самым Платон сам оказывается «текущим».

Но реист даже сам Сократ, во-первых, потому, что в противном случае его позиция, что не следует останавливать мысль ее записью, не имеет хороших оснований, во-вторых – поскольку в противном случае он должен был бы быть склонен к построению догматической системы (вроде математической) вместо нескончаемых поисков посредством индукции. В силу этого следует предположить, что сократическая философия подразумевает самокритику ведущих диалог как лекарство против диалогического нарциссизма, – декларации значимости какого угодно диалога, в т.ч. досужей болтовни. Эта самокритика придает диалогу целенаправленность, ориентируя на идеал истинного знания (или, в соответствии с «Теэтетом» – просто знания, ибо знание как таковое не может быть ложным). Когда диалог улучшает наше мнение в направлении знания, то он и есть философия, а не софистика.

3. «Теэтет» для диалогии ценен тем, что он опровергает некоторые стереотипы относительно знания, которые препятствуют осуществлению продуктивной диалогичности. Прежде всего это касается утверждения, что всякое мнение истинно, ибо каждый человек воспринимает происходящее со своей точки зрения правильно (ясно, что при таком положении диалог деградирует до простого обмена мнениями). В «Теэтете» этот стереотип связывается с суждением Протагора «человек – мера всех вещей» и с идеей, что знание – ощущение. Основные возражения: (1) если нет никакого настоящего знания о действительности, то стремление к мудрости и познанию (философия, наука) вообще не имеют значения, включая и все эти рассуждения; (2) если нет никакой разницы между мнениями, то значит, и сама эта констатация – мнение, равноценное обратному, и более того – ничто не доказывает, что мнение учителя лучше мнения ученика, сознание – лучше бреда, и вообще, что мнение человека лучше мнения свиньи; (3) если мнение – единственное знание, оно постоянно изменяется вместе с основывающим его ощущением, то тогда осмысленная речь попросту невозможна, ведь слова языка описывают нечто несуществующее – устойчивые состояния объекта (например, имя «человек» не описывает что-то реальное, т.к., во-первых, реизм утверждает, что нельзя быть человеком, можно только становиться им, во-вторых, есть бесконечность равноценных мнений, что значит становиться человеком, что не дает никакого определенного значения, следовательно, имя «человек» не обладает ни объемом, ни содержанием и является пустым звуком). Итак, если философия и наука имеют значение, если есть важная разница между мнениями и если наша речь имеет смысл, то неверно, что всякое мнение истинно и тождественно знанию.

4. В «Теэтете» опровергается и стереотип, что знание сводится лишь к обладанию воспоминаниями (мнению), что важно для диалогии в той мере, в какой раскрывает возможность обоснования диалогической природы

знания. В «Теэтете» высказывается не только идея, что познание подобно впечатыванию в «чистую доску» некоторых форм (при этом даже уточняется, что идеальный «воск» этой «доски» пластичен, однороден и глубок), но и другая интересная метафора, к сожалению, не ставшая столь же популярной – уподоблению познания «двойкой охоте» – вначале голубятню наполняют голубями, а потом ловят их по необходимости. Преобразуем эту метафору для большей ее функциональности.

Познание подобно приобретению и использованию весов. Приобретая весы, нужно вначале научиться ими пользоваться, а затем уже применять их для измерения тех или иных вещей. Иными словами, следует вначале познать сам инструмент познания, а затем уже посредством его – мир (это вполне соответствует идее Канта, что следует для лучшего понимания апостериорного знания вначале описать трансцендентальное априори). Ошибки могут быть как в познании весов, так и в познании мира посредством весов. Именно вследствие ошибки в познании своих познавательных способностей возникают ошибки в познании мира (то есть в использовании познавательных способностей). Для диалогизма важно также, что эти «весы» мы получаем от других людей, которые и могут нас научить их безошибочному использованию. Именно поэтому нам часто и кажется, как это описано и в «Теэтете», что знание – истинное мнение с его объяснением (инструкция). «Теэтет» пытается опровергнуть это представление тем, что объяснение неудовлетворительно выявляет знание ни как определение, ни как разбор до непознаваемых элементов, да и вообще если есть знание, то оно и без объяснения – знание.

Эти опровержения признать удовлетворительными, конечно, нельзя. Сведение объяснения только к некоторым его операциям никак его не дискредитирует, но важнее то, что объяснение – не всегда только изложение уже имеющегося знания, но приобретение нового (в метафоре «двойной охоты» – также и «первая охота»). Даже инструкция принимается нами как знание прежде всего потому, что ее предписания «действуют». Действенность предписаний же – следствие того, что они отражают знания, найденные в предшествующем опыте другими людьми, в том числе и те, которые установлены как стандарт (подобие эталона весов), то есть как «наука» в упрощенном ее понимании. Ясно, что эти институты (как эталоны, так и «наука»), как и индивидуальный опыт, – только частные элементы процесса, который можно трактовать как сетевое диалогическое обретение знания.

И. П. Салтанович

«СЕРЬЕЗНЫЕ ИГРЫ» КАК УСЛОВИЕ ПРОРЫВНЫХ ИННОВАЦИЙ

Роль игры, присутствующей на протяжении всей истории человечества в культуре и социуме, в XXI веке возросла столь значительно, что порой общество даже не осознает всей серьезности и неотвратимости преобразо-